

Трагедия «Балтийского треугольника»

Нижние чины и офицеры Петрограда, Кронштадта
и Гельсингфорса в февральско-мартовские дни 1917 года

Владимир Кожевин

На рубеже советского и постсоветского периодов отечественной историографии видный исследователь российской революции В.И. Старцев, словно подводя итог многолетнему изучению проблемы движущих сил революционного процесса 1917 г., подчеркивал: «Десятимиллионная армия сыграла важнейшую роль и в свержении царского строя, и во всех политических кризисах, сотрясавших Россию в течение восьми месяцев небывалой свободы, и, наконец, в октябрьских событиях»¹.

Для современных историков данное положение практически является общезначимым. Однако сегодня перед исследователями гораздо острее стоит другой вопрос. В формулировке В.П. Булдакова применительно ко всему российскому социуму вопрос этот звучит так: «В революции homo sapiens проявляет себя как человек бунтующий. Но против кого и во имя чего?»²

Соответственно, объектом внимания историков, изучающих проблему «армия и революция», теперь все чаще оказываются мотивы, жизненные стратегии, особенности мышления и поведения Человека с ружьем.

В работе речь пойдет о февральско-мартовских событиях 1917 г. в Петрограде, Кронштадте и Гельсингфорсе – тех пунктах, где на момент Февральского революционного взрыва кризис взаимоотношений офицеров и нижних чинов проявился наиболее масштабно и приобрел предельно жесткие формы. Столица и две крупнейшие военно-морские базы России в ходе восстания образовали своего рода треугольник – «Балтийский треугольник», в пределах которого за считанные дни оборвалась жизнь многих русских офицеров.

КОЖЕВИН Владимир Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: kozhevin@rambler.ru

Ключевые слова: восстание, революция, насилие, офицерство, солдаты, матросы, Петроград, Кронштадт, Гельсингфорс.

Террор против офицерского корпуса

Как известно, 27 февраля 1917 г. присоединение солдат петроградских запасных полков к горожанам, вышедшим на улицы столицы, началось с актов насилия над офицерами. Нежелание стрелять в демонстрантов для тысяч нижних чинов в этот момент оказалось важнее, нежели мотивации, обусловленные требованиями воинской дисциплины и страхом перед возможным наказанием. Офицеры тогда олицетворяли власть и ее намерение подавить выступление масс оружием. Вынужденные исполнять этот приказ командирова оказались в тяжелом положении. Те, кто пытался противодействовать стремлению солдат слиться с общим движением, умирали от рук подчиненных; остальные предпочитали скрываться. Небольшие островки сопротивления восстанию таяли с поразительной быстротой. Одновременно гибли и покидали свои посты офицеры, командовавшие до той поры верными присяге остатками гарнизона.

Одной из первых жертв среди офицерства стал полковник Экстен – командир Павловского полка. Он был убит в ночь на 27 февраля у казармы после усмирения 4-й роты павловцев, которая накануне открыла стрельбу по полиции, разгонявшей демонстрантов³.

Следующей жертвой стал штабс-капитан И.С.Лашкевич – начальник учебной команды Волынского полка. Ее солдаты первыми подняли знамя восстания в Петроградском гарнизоне утром 27 февраля.

Далее хаотический вихрь солдатского бунта поглощал офицеров в расположении полков, которые один за другим переходили на сторону революции.

Так, по воспоминаниям писателя Б.К.Зайцева, погиб его племянник Юрий, молодой офицер Измайловского полка: «Когда чернь ворвалась во двор казарм, он один загородил дорогу. На предложение сдаться отвечал отказом <...> И тотчас пал»⁴.

Смерть наступила офицеров при снятии воинских застав, препятствовавших движению воору-

женных колонн солдат и горожан; иногда офицеры гибли от случайных выстрелов из толпы.

Подозрительность, часто смешанная с ненавистью, охватила сознание масс и выплеснулась на всех, даже случайно находившихся в тот момент в Петрограде офицеров. Если офицер, остановленный на улице, не вел себя вызывающе по отношению к толпе, его обезоруживали без рукоприкладства. Если же он пытался отстоять свое достоинство и сопротивлялся – отбирали револьвер и шашку насильно. Кроме того, кое-где солдаты срывали с офицеров погоны.

По свидетельству В.Д.Набокова, служившего в Главном штабе, 28 февраля офицерам выходить из городских зданий было небезопасно, и только «утром 2 марта <...> офицеры могли свободно появляться на улицах»⁵.

Впрочем, пребывание в помещении не всегда спасало офицеров от насилия. В поисках стрелявших из окон домов контрреволюционеров группы солдат и штатских врывались в здания, где обезоруживали, а иногда и арестовывали офицеров.

Результатом одной из подобных акций стало убийство полковника князя А.Г.Абашидзе, погибшего при разгроме гостиницы «Астория»⁶.

Атташе французского посольства граф Робьен в своем дневнике сообщает, что охота за «фараонами» и оружием в дни восстания стала причиной гибели его близкого друга генерала Штакельберга, отказавшегося уступить требованиям солдат. Генерал был зверски убит на глазах жены. «Солдаты, надругавшись над трупом и забрав все, что на нем было, затем, бросили тело в Неву»⁷.

Множество офицеров и генералов в дни переворота попадали под арест. Однако арест не гарантировал сохранения жизни офицеров.

28 февраля, уже после заключения под стражу, были убиты командир 2-го Балтийского эскадра генерал А.К.Гирс и офицер экипажа полковник А.Л.Павлов⁸.

Случалось, что с арестованными расправлялись, не доводя до места заключения.

Так, 1 марта погибли директор Путиловского завода генерал Дубницкий и его помощник генерал Барделиус. Неподалеку от Балтийского вокзала на конвоируемых наткнулись прибывшие в столицу поездом солдаты, которые тут же устроили самосуд. Тела убитых генералов были сброшены в Обводной канал⁹.

Трагедия с насилием над офицерами разыгралась и на крейсере «Аврора», стоявшем на ремонте у причалов Франко-Русского завода.

28 февраля командир крейсера капитан I ранга М.Н.Никольский был застрелен, а старший помощник П.П.Огранович тяжело ранен. По свидетельству матроса-авроровца А.С.Неволина и согласно материалам допроса Ограновича в Главном военно-морском судном управлении, в момент расправы офицерам пытались вручить красные флаги^{10, 11}.

Основная масса погибших в Петрограде, в том числе и офицеров, приходится на дни восстания 27 февраля – 1 марта 1917 г. Численность убитых и раненых здесь командиров не поддается точной оценке. Правда, некоторые историки считали ее предельно минимальной.

Например, С.П.Мельгунов писал, что «убийства офицеров в Петрограде были единичными случаями»¹².

В качестве одного из подтверждений в книге историка фигурируют данные генерала Е.И.Мартынова. Генерал, используя подсчеты статистического отдела Петроградского городского комитета Союза городов, пришел к выводу о том, что в дни февральско-мартовского восстания в столице было убито, ранено и ушиблено 53 офицера¹³.

Сходные цифры о пострадавших офицерах были приведены петроградской прессой, в частности газетой «Речь». Согласно этой информации, на 17 марта среди жертв революции насчитывалось 60 офицеров (среди них 11 убитых, 40 раненых, 9 больших)⁶.

Число погибших, раненых и заболевших офицеров в указанных источниках явно занижено. Как

подчеркивал .И.Минц, в сводки регистрационно-справочного бюро Союза городов, созданного для учета количества пострадавших, не попали «расстрелянные восставшими офицеры воинских частей»¹⁴.

Многих погибших хоронили родственники, и сведения об этих жертвах не попадали в официальную статистику. О количестве погибших красноречиво говорили трудности с похоронами погибших.

В записках Ф.Я.Ростковского передан рассказ об обстоятельствах убийства начальника Трубочного завода генерала Матафопова 28 февраля 1917 г. Современник сообщает: «Гроба нельзя было достать ни за что. Хоронили через 9–10 дней. За рытье могилы заплачено рабочим 150 руб., а за перевезение тела на простой платформе на паре лошадей без всяких парадов уплачено (так в тексте. – Авт.) 1000 руб.»⁹.

Даже беглое перечисление случаев гибели офицеров в Петрограде в совокупности с другими фактами свидетельствует о том, что пали не единицы, как считал Мельгунов. Здесь может идти речь о нескольких десятках жизней, унесенных восстанием. Причем пули настигали и тех немногих офицеров, кто примкнул к революции в ее первые часы, когда исход борьбы еще не был ясен. Сведения об этих людях крайне скупы.

Так, по правдоподобию предположению историка В.Ю.Черняева, найденный 26 февраля на углу Садовой и Итальянской улиц убитый прапорщик с обнаженной шашкой в руке возглавлял взбунтовавшихся солдат 4-й роты Павловского полка в момент их перестрелки с полицией¹⁵.

Генерал А.П.Кутепов, который командовал отрядом правительственных войск 27 февраля, в своих мемуарах упомянул еще об одном офицере – участнике восстания: «Я <...> увидел офицера, идущего по Литейному проспекту и делающего кексгольмцам знаки, чтобы они не стреляли. Заметив на груди у этого офицера большой красный бант, я приказал открыть по нему огонь. Он сначала быстро побежал, но вскоре упал»¹⁶.

Газета «Народная армия» (орган Союза офицеров-республиканцев) сообщала: «28 февраля

в 2 часа дня у гостиницы «Астория» пал смертью храбрых поручик Чеченского полка Александр Федорович Орел. А.Ф.Орел был в числе первых офицеров, присоединившихся к восставшему народу, и командовал отрядом революционных войск, занимавших гостиницу «Астория» <...> В то время, когда он распоряжался установкою пулеметов, две предательские пули сразили героя-поручика»¹⁷.

Справедливости ради нужно сказать, что число жертв насилия среди офицерства в Петрограде могло быть намного больше, если бы некоторых командиров по тем или иным причинам не брали под защиту сами солдаты.

Один из таких эпизодов ярко запечатлен в воспоминаниях Н.Е.Врангеля: «Как живого, вижу и теперь статного офицера с Георгием в петлице. Он окружен со всех сторон, окружен вплотную, точно в тисках. Он поблдевел, но спокоен <...> Оружие от него отняли. Он неподвижно продолжает стоять на месте. Какой-то рабочий подсказывает и хочет схватить его за погон. Но из толпы отделяется солдат, вне сомнения прибывший с фронта, и со всего размаха ударяет рабочего по лицу. Тот падает. Толпа хохочет и кричит "ура!". Офицер не торопясь подходит к солдату и что-то ему говорит. Тот стоит застывши, приложив руку к папаше, но лицо его радостно улыбається. Спокойно твердою походкою, не торопясь оба воина идут дальше. Толпа почтительно перед ними расступается»¹⁸.

В дневниковой записи офицера Гвардейского саперного батальона Г.С.Габаева от 9 марта 1917 г. говорится о приезде на фронт из Петрограда двух его сослуживцев, которые обрисовали картину восстания. Рассказывая о своих переживаниях «в эти ужасные дни», они отметили факт убийства трех офицеров 6-го Запасного саперного батальона. В то же время потерь среди командиров Гвардейского саперного батальона не было. «Наши (запасные. – Авт.) отстояли своих», – запишет Габаев со слов очевидцев¹⁹.

Отстояли «своего» офицера и солдаты Запасного самокатного батальона, когда 28 февраля на Сампсониевском проспекте Петрограда после упорного сопротивления восставшим самокатчики вынуждены были сложить оружие. Жертвами начавшейся следом распра-

вы над офицерами стали убитые толпой командир батальона полковник Балакшин, капитаны Карамышев и Кедрин. Другие офицеры подверглись побоям.

Как пишет Е.И.Мартынов «капитана Аристов хотели расстрелять, но благодаря вмешательству солдат-самокатчиков отправили в Таврический дворец»¹³.

Петроградские эксцессы, конечно, поражают своим размахом, но еще большим масштабом и жестокостью отличались насильственные действия в отношении офицерства двух главных баз Балтийского флота – Кронштадта и Гельсингфорса. Трагедия на Балтике отнюдь не принадлежит к числу сюжетов, обойденных вниманием историков, – страницы трудов отечественных и зарубежных авторов содержат немало соответствующих описаний, оценок и обобщений. Для нас самое важное при обращении к этому материалу состоит в том, что пример Кронштадта и Гельсингфорса не просто продемонстрировал наиболее крайние варианты насильственного поведения нижних чинов, но и наглядно отразил логику развертывания их социальной активности в февральско-мартовские дни 1917 г.

Когда вечером 28 февраля в Кронштадте запылал огонь восстания, ненависть матросов и солдат местного гарнизона обернулась против офицеров.

Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор г. Кронштадта адмирал Р.Н.Вирен был растерзан толпой на Якорной площади, следом от рук матросов погибли еще десятки офицеров.

Наряду с офицерством матросы жестоко преследовали и некоторых сверхсрочнослужащих – кондукторов, боцманов. 3 марта «эстафету» подхватил Гельсингфорс, и вакханалия насилия повторилась.

Матросы застрелили командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И.Непенина, на кораблях и на суше нещадно истреблялся командный состав.

Жуткие акты насилия восставших (офицеров хладнокровно расстреливали, поднимали на штыки, забивали до смерти) с трудом поддавались объяснению современников.

Многие из офицеров Кронштадта и Гельсингфорса хотя и сохранили жизнь, но подверглись избиениям, унижительной процедуре срывания погон. Казематы в расположениях частей и помещения на кораблях заполнились узниками из числа офицеров, часть из которых ожидал суд скорый, а часть – длительное заключение.

В Гельсингфорсе, например, команда линкора «Андрей Первозванный», уже после убийства нескольких офицеров, избрала судовой комитет и специальный суд. Последний приговорил пятерых человек к расстрелу. Командиру корабля только путем невероятных усилий удалось предотвратить их гибель²⁰.

Как происходило разбирательство с арестованными офицерами Кронштадта в дни восстания, поведал бывший матрос учебного судна «Океан» К.Я.Зябкин. «По архивному делу, – вспоминал очевидец, – ревком (Комитет движения. – Авт.) узнавал, кто что из себя представлял, и на судовых комитетах при общем голосовании выносили приговор: расстрелять такого-то офицера или дать срок тюрьмы. Если расстрелять – спускали

с корабля трап, выводили осужденного на землю и с корабля расстреливали»²¹.

Впрочем, большинство погибло даже без всякой видимости суда и, случалось, просто потому, что офицеры попадались на глаза уже опьяненной кровью толпе.

Так, в дневнике супруги офицера Кронштадтского флотского полуэкипажа Семенниковой описана сцена убийства шедшего по улице капитана 1-го ранга Степанова: «Его окружили матросы, человек 10. Он, по-видимому, стал им что-то говорить и поднял руку. Все стояли полукругом, он повернулся и медленно пошел, тогда матросы забежали вперед и выстрелили. После первого раза он остался живым, после второго выстрела упал...»¹¹

Матросы и солдаты, осведомляясь у дворников, где проживают офицеры, врываются в квартиры и уводят свои жертвы. Некоторых по дороге убивали. Трупы погибших офицеров, свозившиеся в покойницкие больницы и госпиталей, родственники нередко находили изуродованными и ограбленными <...> Ужасные подробности описываемых событий кому-то могут показаться неправдоподобными, но уж слишком много существует свидетельств, которые не оставляют сомнений в характере происшедшего на Балтике.

Социально-политические корни революционных репрессий

Целенаправленного учета количества офицеров Кронштадта и Гельсингфорса, павших в первые дни революции от рук нижних чинов не велось, хотя попытки военных властей приблизительно определить число жертв все же предпринимались.

Например, в телеграмме нового командующего флотом адмирала Максимова, направленной в Ставку 15 марта 1917 г., сообщалось: «Исчисляю убыль в офицерском составе убитыми и подлежащими зачислению в резерв числом сто двадцать человек»¹¹.

Другие источники, так же как и исследовательская литература, отличаются неполнотой и разноречивостью све-

дений. Приведем здесь лишь некоторые данные. В статье члена Петросовета Ф.А.Юдина «Из впечатлений поездки в Кронштадт», опубликованной меньшевистской «Рабочей газетой» 16 марта 1917 г., говорится о гибели только на этой военно-морской базе примерно 60 флотских офицеров²².

Обнаруженный Е.Ю.Дубровской в фонде Государственного архива Финляндии неполный список убитых в Гельсингфорсе (датирован 8 марта 1917 г.) насчитывает 43 чел., причем в их числе не только флотские и армейские офицеры, но и нижние чины, и даже двое финнов, видимо, погибших случайно. Сама Е.Н.Дубровская со ссылкой на исследования А.Е.Июффе считает, что на Балтике в

февральско-мартовские дни 1917 г. «Россия лишилась около 80 морских офицеров»²³.

В.В.Крылов, автор примечаний ко второму изданию книги Ф.Раскольникова «Кронштадт и Питер в 1917 году», называет цифру 120 чел. офицеров и военных чиновников, ставших жертвами восстания на Балтийском флоте²⁴.

По данным М.А.Беспяткина, всего здесь погибли 95 офицеров. Из них в Кронштадте – 40, в Гельсингфорсе – 45, в Ревеле – 5 и в Петрограде – 4. Кроме того, 11 чел. пропали без вести, а еще 4 покончили жизнь самоубийством²⁰.

Впрочем, какой бы ни была точная цифра погибших, и многие современники революции, и нынешние историки близки в одном: Балтийский флот понес колоссальную утрату, измеряемую не только числом убитых его командиров, но и силой морально-психологической травмы, нанесенной офицерам, глубокой перемен в их взаимоотношениях с подчиненными. Все это достаточно очевидно.

Тем не менее события нескольких революционных дней 1917 г. в истории Кронштадта и Гельсингфорса до сих пор приковывают внимание историков, несмотря на формальное отсутствие недостатка соответствующих объяснений в трудах о революции 1917 г. По всей вероятности, этот исследовательский феномен все же порожден ощущением, что нам не до конца ясны причины и соотношение факторов, обусловивших грандиозный размах и остроту социального взрыва на Балтике.

Как известно, представители советской историографии, занятые преимущественно демонстрацией ведущей роли большевиков в революционном движении, отображением классовых противоречий и классовой борьбы на флоте, рассматривали гибель десятков офицеров в дни Февральского восстания, как закономерную реакцию масс на социальное угнетение, следствием которого было жестокое обращение офицеров с нижними чинами.

К примеру, в работе одного из видных специалистов по истории революции на флоте, убеждавшего читателя в существовании «вековой ненависти матросов к офицерам», классовый подход предопределил вывод о том, что жертвы Кронштадтского восстания это «ряд наиболее ненавистных реакционных офицеров»²⁵.

Западные историки в свое время также предприняли попытку разобраться в причинах массового насилия на Балтике.

Более или менее подробный анализ версий, объяснявших эти причины, представил Н.Соул. Он отметил, что если бы матросы и солдаты в момент восстания руководствовались только классовым инстинктом, то жертв, например среди офицеров Гельсингфорса, могло быть гораздо больше. А тем, кто считал главным мотивом убийств только месть за некогда проявленную жестокость, автор возражал, указывая на факт гибели офицеров, которые предположительно могли считаться популярными в матросской среде.

Версии, содержащиеся в эмигрантских источниках и связывающие феномен Кронштадта и Гельсингфорса с результатами усилий либо германской агентуры, либо большевиков-подпольщиков, либо эсеров, широко практиковавших террор до революции, по представлениям Соула, также не выглядят достаточно убедительными.

Вместе с тем он считал, что предположение об ответственности социалистов за массовые убийства на Балтике все же нельзя полностью исключать. В целом же исследователь отказался от развернутого обоснования собственной позиции в этом вопросе, подчеркнув одновременно, что суровый дисциплинарный режим на двух морских базах, региональная специфика, сам факт восстания и мотивы мести лишь частично дают ключ к пониманию существа проблемы²⁶.

Согласно мнению И.Модсли, причина масштабности актов убийства на флоте коренится в российском революционном опыте 1905–1907 гг., который продемонстрировал недостаточность полумер (сохранение жизни офицерам во время восстаний. – Авт.). Исследователь также не обошел вниманием различия в ситуации, сложившейся в Кронштадте и Гельсингфорсе, с одной стороны, а с другой – в Ревеле и других пунктах дислокации морских частей, где число жертв насилия оказалось минимальным, или их совсем не было, как на Черноморском флоте.

Эти различия Модсли объяснил особенно безжалостной системой дисциплины, господствовавшей на двух крупнейших балтийских морских базах, и длительным отсутствием боевой активности находившихся там судов²⁷.

Д. Лонгли, анализируя разницу в поведении матросов Кронштадта и Гельсингфорса, указал на то, что кронштадтские события носили характер спланированного революционного выступления, а события в Гельсингфорсе были попросту бунтом.

«В Кронштадте, — отмечал историк, — ненависть к офицерам была сильна, но их убийство не было основной целью восстания; в Гельсингфорсе главная цель (восставших. — Авт.) заключалась в убийстве непопулярных офицеров...»²⁸.

Среди современных российских исследователей относительно неординарной точки зрения на проблему придерживается В.П.Булдаков, чья интерпретация основана на учете ситуативных бытовых и культурно-психологических предпосылок насилия.

«Представляется, однако, что определяющее воздействие на поведение матросов, независимо от их социального происхождения и опыта, — подчеркивает исследователь, — мог иметь самый факт скученной изолированности людей, привыкших к просторам и сдерживающему давлению знакомого социального окружения»².

Матросы, томившиеся в бездействии в железных коробках, жестоко мстили совершенно определенного типа командирам — тем, которые всем своим поведением воплощали в себе неизменность существующего порядка вещей.

В этом утверждении много верного, и оно в значительной степени перекликается с оценками современников революции, необязательно относившимися к положению на Балтике.

Например, В.Б.Шкловский, встретивший Февраль 1917 г. нижним чином столичного гарнизона, писал: «Может быть, это ребячество, но я уверен, что сидение без отпуска в казармах, где забранные и оторванные от дела люди гноились без всякого дела на нарах, казарменная тоска, темное томление и злоба солдат на то, что за ними охотились по улицам, все это больше революционизировало петербургский гарнизон, чем постоянные военные неудачи и упорные всеобщие толки об измене»²⁹.

Сопоставление обстоятельств гибели офицеров в Прибалтийском регионе дает основания утверждать, что петроградские эксцессы были связаны прежде всего с попытками противостоять восстанию, с сопротивлением офицеров при их разоружении. Подобное происходило и в Кронштадте, и в Гельсингфорсе. Однако здесь не менее значимую роль, вероятно, играли иные мотивы, отчего масштаб насилия и жестокость расправ не шли ни в какое сравнение с картиной восстания в столице. Думается, что обращение к последним дням, часам и минутам жизни двух высокопоставленных флотских начальников — адмиралов Вирена и Непенина — позволит в значительной степени прояснить загадку событий конца февраля — начала марта 1917 г. на Балтике.

Начнем с фигуры адмирала Вирена, олицетворявшего для нижних чинов существование переносимого кронштадтского бытия. Герой Порт-Артура, деливший некогда невзгоды японского плена с простыми матросами, теперь становится в их глазах олицетворением безликой карающей силы, беспощадной к людям, даже слегка отступившим от буквы официальных предписаний. За восемь лет пребывания на посту Главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта Вирен приобрел недобрую славу не только у нижних чинов, но и среди офицеров.

Как вспоминал на склоне лет последний морской министр царского правительства И.К.Григоревич, «Р.Н.Вирен имел еще слабость придираться и преследовать за малейшие упущения по службе или форме одежды, почему скоро сделался очень непопулярным»³⁰. Но еще до революции в частных разговорах Григоревич был более прямолинеен.

Так, командиру яхты «Нева» Л.М.Ларионову он без обиняков заявил: «Вирен достучается; его убьют из-за угла или рабочий, или матрос»¹⁹.

По мнению историка С.А.Зонина, в противовес позиции ряда видных деятелей русского фло-

та (Ливена, Эссена, Григоровича, Эберггарда), видевших залог дисциплины не столько в наказаниях, сколько в серьезной заботе о быте и просвещении нижних чинов, «Р.Н.Вирен был убежден, что лишь самые суровые репрессивные меры могут пресечь разрушительное для империи революционное брожение»³¹.

Но эта была лишь одна сторона медали.

Среди матросов Кронштадта гораздо большую ненависть вызывала гипертрофированная придирчивость Вирена. Унизительные проверки наличия казенного клейма на одежде, маниакальные преследования за нечеткость отдания чести и другие мелкие погрешности внешнего вида и поведения превратили адмирала в сознании матросской массы не просто в жестокого начальника, его образ приобрел мифологические черты, воплощавшие абсолютное зло. О Вирене ходили легенды, которые наделяли адмирала едва ли не сверхчеловеческими способностями и изощренным коварством.

Отголоском этих представлений позднее стал адмирал Витнер – литературный двойник Вирена, выведенный в одном из произведений А.С.Новикова-Прибоя.

Так, Витнер, преследуя убежавшего матроса, мог с проворством юноши перемахнуть через забор, а в его доме была специальная система зеркал, с помощью которой он из своего кабинета зорко наблюдал за тем, что происходит на улице. Завидев проходящего матроса, Витнер нажимал на кнопку звонка, и дежуривший у двери дома фельдфебель или городской приводили жертву на расправу³².

До последних дней жизни Вирен верил в незыблемость старой (патерналистской) системы отношений между командирами и нижними чинами, но при этом продолжал делать все, чтобы подорвать ее основы.

Сам он оставил поразительный по силе предвидения и точности анализа ситуации документ – письмо от 16 сентября 1916 г., адресованное графу Гей-

дену. Письмо это впервые было опубликовано 20 июля 1917 г. в «Известиях Кронштадтского Совета» и с тех пор неоднократно цитировалось в отечественной, и в зарубежной исторической литературе.

Для нас особенно важен эпизод посещения адмиралом крейсера «Диана»: «<...> на приветствие команда ответила по-казенному, с плохо скрываемой враждебностью, я всматривался в лица матросов, говорил с некоторыми по-отечески (выделено нами. – Авт.), или это бред уставших нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере – такое впечатление оставил у меня этот кошмарный смотр»³³.

Итак, Вирен, сделавший попытку сгладить первое впечатление от приветствия команды, переходит на привычный для матросов язык общения в рамках соответствующей патерналистской конструкции – говорит по-отечески и <...> убеждается, что прежний прием не срабатывает, матросы откровенно игнорируют все усилия адмирала установить контакт.

Григорович ошибался, предрекая Вирену убийство из-за угла.

Смерть Вирена напоминала действие из времен Средневековья, когда расправа была не только жестокой, но и публичной. Ранним утром 1 марта толпа собралась у дома адмирала. Он вышел, что-то сказал матросам, видимо, отвечая на их требования. Пытался вернуться в дом, но его схватили и потащили на Якорную площадь.

Возможно, уже тогда Вирен был смертельно ранен, как пишет об этом Н.Соул²⁶. Однако смерть врага у дверей его дома не соответствовала представлениям масс о масштабах возмездия человеку, одно имя которого вселяло страх, ассоциируясь с дьявольскими силами. Именно на площади, при большом стечении народа свершилась казнь.

Ф.Арьес, автор широко известной книги «Человек перед лицом смерти», пишет: «Для людей

Средневековья и начала Нового времени отправле-ние правосудия не кончалось со смертью осужденного <...>

Тела казненных старались оставлять лежать под виселицей или же сжигать, а прах развеивать по ветру <...>

Во всех этих случаях средневековый человек отказывал своему врагу или врагу общества в погребении *ad sanctos*, "у святых"³⁴.

Нечто подобное произошло и с останками Ви-рена. В дневниковой записи Семенниковой от 1 марта 1917 г. кратко передан рассказ посетив-шей ее в тот день знакомой женщины, которая со-общала о том, «что на улице масса солдат, мат-росов с ружьями, что Вирен убит <...> и что те-перь его жгут на площади перед Морским собо-ром»¹¹.

О факте сожжения тела адмирала упоминает-ся и в дневнике французского дипломата Робьена⁷.

Гибель многих кронштадтских офи-церов была мученической именно пото-му, что их палачами руководила жажда мести.

В статье «Кронштадтская республика», пуб-ликация которой 4 июня 1917 г. была приуроче-на редакцией «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» к началу рабо-ты следственной комиссии по делу лиц, аресто-ванных в февральско-мартовские дни, приведе-ны не оставляющие сомнений откровенные вы-сказывания самих участников восстания.

«Знаете, товарищи, – говорят кронштадт-цы. – В первый момент никто в Кронштадте не верил в успех нынешней революции. И солдат-ская и матросская масса спешила рассчитывать со своими угнетателями. Отсюда и эти расстрелы. Мы все почти единодушно думали: "Потом бу-дет, что будет, а теперь..."»³⁵.

Из той же газеты видно, что основой взаимо-отношений офицерства и нижних чинов в крепо-сти, особенно после 1906 г., было противостоя-

ние, напоминавшее дикую игру охотника и его жертвы: «Пьяный матрос озорничал, старался всюду сломать, разбить, урвать и удрать. Офи-цер выглядывал, где бы изловить и наказать воз-мутителей тишины и спокойствия. И эта вражда превращалась в какой-то спорт, состязание двух сторон»³⁵.

В ночь на 1 марта состязание продолжилось, только охотники и жертвы поменялись ролями.

Было бы ошибкой думать, что каждый солдат и матрос Кронштадта искал и на-казывал своего личного обидчика, – на-силие применялось как инструмент по-давления и ликвидации командного со-става в целом, а не только отдельных его представителей. Поэтому гибли и те из офицеров, которых нижние чины рань-ше даже не знали в лицо. Добавим, что и аресты офицеров часто производились незнакомыми им нижними чинами.

Мемуары бывшего матроса С.Н.Ба-ранова, хотя и содержат в силу условий времени идеологически окрашенные вставки, дают ясное представление о том, как расходились представления о ближайших целях восстания у его орга-низаторов-большевиков и беспартий-ной матросской массы. Когда под утро 1 марта сотни матросов и солдат Крон-штадта разбрелись в поисках офицеров, следуя призывам митинговых ораторов, Баранов оказался в составе одной из групп по поимке офицеров.

Тогда, вспоминал Баранов, ему и его спутни-кам «казалось, что об устройстве государствен-ной власти и о других важных делах позаботятся другие люди, партийные, а нам бы только не вы-пустить из рук свободу и революцию – для этого надо арестовать всех офицеров <...> и больше ничего»³⁶.

Постреволюционный синдром: провал попыток наведения порядка

События 3–4 марта в Гельсингфор-се ставили в тупик тех современни-ков и историков, которые пытались объяснить размах и жестокость расправ над офицерами в Кронштадте присут-

ствием там большого числа матросов-штрафников, списанных с судов за раз-личные прегрешения, либо активным участием подпольщиков-социалистов, организовавших выступление матросов

и солдат. Но Гельсигфорсская морская база отличалась от Кронштадта не только в этом отношении; здесь не было столь сурового дисциплинарного режима, да и адмирал Непенин, командующий Балтийским флотом, судя по всему, не принадлежал к числу офицеров, которых матросы за жестокость называли драконами.

Ключ к пониманию проблемы, на наш взгляд, дает внимательное рассмотрение того, как развивался своего рода диалог командующего флотом и матросской массы накануне первых вспышек восстания. Предметом этого диалога служили революционные события в столице. Адмирал Непенин не стремился скрывать от подчиненных сведения, поступавшие из Петрограда, правда, их интерпретация была достаточно своеобразной, сглаживавшей остроту момента и искажавшей некоторые факты.

Так, в приказе командующего флотом от 28 февраля 1917 г. говорилось: «Предписываю объявить командам: [В] последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло бы быть нарушено доведение войны до победы. Произошли перемены в составе Совета министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов.

Объявляю об этом по командам, чтобы они узнали об этом от меня, а не из посторонних рук. Требую полного усиления боевой готовности, ибо возможно, что неприятель, получив преувеличенные сведения о беспорядках, попытается тем или иным путем воспользоваться положением»³⁷.

К утру 1 марта Непенин уже определился в своих политических предпочтениях, хотя переход на сторону Временного комитета Государственной думы дался ему нелегко. Теперь адмирал стал руководствоваться поступающими из Думы сведениями и инструкциями. Непенину был известен, если не дословно, то, по крайней мере, в изложении помощника начальника Морского гене-

рального штаба А.П.Капниста, приказ за подписью председателя Госдумы Родзянко от 28 февраля о требовании к солдатам вернуться в казармы под начало своих командиров и восстановить порядок в частях.

В Петрограде, как отмечал историк Е.Д.Черменский, «слухи о том, что офицеры, возвращавшиеся по приказу Родзянко в казармы, отбирают у солдат оружие и заставляют присягать царю, вызвали новую волну самосудов и насилий над офицерами»³⁸.

Приказ Родзянко, информация Капниста – «войска постепенно возвращаются в казармы и порядок водворяется»³⁷ – для Непенина наверняка имели отрицательные последствия. На какое-то время адмирал уверился, что ему не придется осуществлять перемены в устоявшемся режиме быта и службы подчиненных ему флотских частей. 2 марта адмирал присоединил свой голос к мнению командующих фронтами, просивших императора отречься от престола. Уже в этот день Непенину стало очевидно, что положение на флоте критическое и в любой момент может начаться бунт. Утром 3 марта в штабе командующего был получен акт об отречении Николая II, однако нижним чинам это известие было сообщено лишь вечером.

Именно в дневные часы 3 марта случилось, быть или не быть восстанию в Гельсингфорсе. Командование флота бездействовало. Между тем какая-то информация о революционных событиях в Петрограде и отречении императора уже тогда стала известна матросам.

Как вспоминал Г.К.Граф, около 8 часов вечера личному составу миноносца «Новик» был зачитан манифест об отречении. Команда восприняла это известие на удивление спокойно, и у офицера сложилось впечатление, «что она уже была знакома с ним»²⁰.

Почти одновременно произошла первая вспышка насилия на дредноуте «Андрей Первозванный». В письме начальника Воздушной диви-

зии Балтийского моря капитана 1-го ранга Б.П.Дудорова, который делился с адмиралом А.В.Колчаком информацией по свежим следам событий, содержится важный для понимания ситуации пассаж. Там говорится о поведении командира «Андрея Первозванного» адмирала Небольсина: «Он (Небольсин. – Авт.) в своих речах команде многое сокращал и не все объяснял. К нему явились депутаты от команды с просьбой показать официальные сведения. Он вступил в пререкания, началась перебранка, раздалась выстрелы. Говорят, что, кажется, первым выстрелил он. Тут же он был убит, за ним убиты прибежавшие два офицера. Т.о. «Андрей Первозванный» первым начал бунт, и на нем зажгли красный огонь. За ним присоединился штаб-квартира всех брожений «Павел»»¹¹.

Далее последовали аресты и убийства на других судах.

После начала матросских выступлений адмирал Непенин приказал собрать на штабном судне «Кречет» депутатов с кораблей. Встреча адмирала и представителей команд состоялась около полуночи.

В ее ходе произошел телеграфный разговор командующего и одного из депутатов с А.Ф.Керенским, который, между прочим, внушал матросам: «Вице-адмирал Непенин тоже признал нашу власть, поэтому объявлениям и приказам его верьте»¹¹.

Каковы же были первые требования нижних чинов, узнавших об окончательной победе революции?

В изложении представителя всей депутации они прозвучали так: «Просьба товарищей матросов к Вам и Командующему флотом Балтийского моря была об улучшении своего быта. Товарищи матросы желают, чтобы они чувствовали себя свободно вне службы, чтобы было улучшение пищи, если это возможно. Далее, если это возможно, выдать новое обмундирование <...> Теперь мы все, депутаты команд матросов, стараемся уладить (так в тексте. – Авт.) и поддержать Вас и просим одного из Ваших представителей приехать к нам в кратчайшем времени»¹¹.

Итак, большинство предложений нижних чинов носило исключительно

бытовой характер. Вместе с тем требование «свободы вне службы» означало некое покушение на нормы дисциплины, военного этикета и таило в себе возможность скорой политизации воинских частей. Наконец, сам факт обсуждения проблем флотского быта почти на равных с представителями нижних чинов удручал Непенина.

Письмо Дудорова Колчаку дает представление о поведении и переживаниях командующего флотом в этот критический момент.

Как сообщает Дудоров, «А.И.(Непенин. – Авт.) вышел к ним, сел и повел беседу, спрашивая, чего они хотят. И тут наряду с серьезными вопросами пошли заявления [о] том, что надо выдавать лишнюю пару рабочего (обмундирования. – Авт.) и т.п. вздор. Оттого А.И., видимо, не выдерживал и начинал злиться. Сдерживая себя до последнего момента, он, однако, не мог удержать горькой улыбки и саркастического тона <...> Депутаты уехали неудовлетворенные. Понять высоту его помыслов, контраст с которыми в лице их грошевых интересов и вызвал в нем душевную горечь и б[ыть] м[ожет] злобу – они не могли. Они поняли лишь его настроения лишь в смысле презрения к ним, и создалось отчуждение»¹¹.

В ночь на 4 марта на берегу состоялся первый митинг вооруженных матросов, где было принято решение разоружить офицеров. Однако взвинченное настроение делегатов, наперебой рассказывавших о жестокостях тех или иных офицеров, привело к тому, что одним только разоружением матросская масса не ограничилась. Возникшие тогда же судовые комитеты либо собрания команд приговаривали ненавистных начальников к смерти. Одна из групповых казней была осуществлена путем расстрела осужденных на льду, неподалеку от транспорта «Рига». Разрушительный шквал насилия вскоре перекинулся с вмерзших в лед кораблей на сушу, а убийства офицеров продолжались вплоть до полудня 4 марта.

Итак, в Гельсингфорсе наэлектризованная атмосфера, царившая с момента получения первых известий о начале революции, разрядилась в форме кровавого бунта. Он был вызван представлением матросской массы о том, будто начальство скрывает правду о событиях в Петрограде. Новый, более мощный импульс выступление приобрело вследствие нежелания командования каким-либо образом (реально и символически) оформить перемены, которые в соответствии с социальными ожиданиями низов должна была внести революция в их жизненный уклад, в сам порядок службы на флоте. Данный контекст заставляет иначе взглянуть даже на, казалось бы, малозначительные и не соответствовавшие масштабу происходивших событий требования команд о выдаче нового рабочего обмундирования.

«Получалось такое впечатление, — справедливо указывал в своих воспоминаниях контр-адмирал С.Н.Тимирев, — что начальство подчиняется неизбежному ходу событий, но не сочувствует им»³⁹.

Именно этим была предпрешена участь командующего флотом и некоторых офицеров. Мотив возмездия, сведение старых счетов здесь не играли первостепенной роли, как это случилось в Кронштадте.

Применяя насилие к офицерам, матросы и солдаты Гельсингфорса руководствовались не столько стремлением устранить препятствия для начавшейся революции, сколько желанием осуществить то, что по их представлениям должно было символизировать учреждение нового революционного порядка. Иными словами, осуществился иной, нежели в Кронштадте и в Петрограде, вариант восстания.

Примечателен в этом отношении документ, опубликованный большевистской «Правдой» 4 июня 1917 г. Согласно обычной практике издания, это была анонимная заметка. Ее автор отреко-

мендовался как человек, «хорошо знакомый с подробностями убийства покойного командующего флотом Непенина». В рассказе очевидца представляется важной одна деталь.

Описывая события, происходившие около полудня 4 марта на привокзальной площади Гельсингфорса, он сообщал, что из 60 тыс. собравшихся на митинг матросов и солдат на вопрос оратора о дальнейшей судьбе адмирала Непенина «более 20 тыс. голосов единодушно крикнули: “Смерть!”»⁴⁰.

Конечно, тогда вряд ли можно было на глаз определить точное число собравшихся, но уловить соотношение голосов, поданных «за» или «против», большого труда, думается, не составило. Таким образом, предание смерти Непенина одобрилось лишь матросско-солдатской массой, меньшинством, представители которого и поспешили осуществить свое намерение.

Правда, в мемуарах матроса с крейсера «Диана», будущего коменданта Кремля П.Д.Малькова, мы встречаем утверждение о жестокости и бесчеловечном обращении Непенина с матросами, что будто бы и стало причиной «лютой ненависти» к командующему Балтийским флотом, а в конечном итоге — причиной гибели адмирала⁴¹.

Однако вряд ли это соответствовало действительности. Очевидно, в подобном случае участь Непенина была бы решена столь же быстро и бескомпромиссно, как и в случае с адмиралом Виреном. Более авторитетным свидетельством представляются воспоминания активного деятеля революционного движения на Балтике матроса-большевика Н.А.Ховрина, который вспоминал: «Адмирала Непенина матросы не собирались трогать. Решили просто своей властью сместить <...> По дороге (адмирала вели не то на привокзальную площадь, не то на гауптвахту. — Авт.) наиболее горячие из конвоиров застрелили его...»⁴².

Поведение гельсингфорских солдат и матросов не кажется абсолютно бессмысленным либо мотивированным

только желанием мести. Кроме того, следует учесть, что, несмотря на весь свой размах, террор против офицерства здесь, как и в Петрограде, не приобрел тотального характера.

Источники свидетельствуют, что на некоторых кораблях насилия над офицерами не было, а команды отдельных

судов защищали своих командиров от попыток расправы со стороны пришлых матросов. Многие офицеры при арестах почитали за благо заключение в расположении своих частей, на своих кораблях в надежде на человеческое обращение бывших подчиненных. И эти надежды нередко оправдывались.

Вместе с тем сходство и различия в событиях, произошедших в столице, Кронштадте и Гельсингфорсе, по большому счету позволяют предположить, что мы имеем дело с частными закономерностями поведения флотских и армейских низов, соответствовавшими двум следовавшим один за другим этапам начального периода революции.

В Кронштадте, как и в столице, произошли восстания, исход которых в момент выступления еще не был очевиден. Но дело было в том, что нижние чины петроградского гарнизона ощущали себя частью восставшего народа, и, соответственно, их поведение мало чем отличалось от поведения горожан, отнюдь не ставивших целью своего выступления истребление офицерства.

В Кронштадте же восстание моряков и солдат в большей степени напоминало военный бунт, когда основной мотивацией выступал протест против невыносимых условий существования и жажда мести. Все это, конечно, не могло не привести к массовому уничтожению командного состава.

В Гельсингфорсе восставшие солдаты и матросы уже знали о крушении старой власти, и их поведение в значительной степени было продиктовано стремлением немедленно почувствовать наступление существенных перемен, которые, согласно представлениям масс, должна была нести революция.

Первое, что хотели ощутить матросские и армейские низы, – это изменения в быту и режиме службы. Крайне важным являлось также смещение со своих постов ряда начальников. Хотя по вопросу о том, сколько офицеров и кого из них конкретно следовало сместить или судить, единого мнения быть не могло. Самый простым способом решения проблемы оказалось физическое устранение тех, кто реально или потенциально мог воспрепятствовать осуществлению революционных ожиданий нижних чинов.

Примечания

- ¹ *Старцев В.* Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991. С. 151.
- ² *Булдаков В.* Красная смута. М., 2010. С. 15, 124.
- ³ *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997. С. 274.
- ⁴ *Зайцев Б.К.* Улица святого Николая. Повести и рассказы. М., 1989. С. 336.
- ⁵ *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. Репринт. М., 1991. Т. 1. С. 13–14.
- ⁶ Речь. 1917. 12 марта, 23 марта.
- ⁷ *Robien L.* The Diary of a diplomat in Russia, 1917–1918. N.-Y., 1971. P. 17, 24.
- ⁸ *Иоффе А.Е.* Морской гарнизон Петрограда в Февральской революции // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 149.

- ⁹ Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания... 1917-й: революция глазами отставного генерала. М., 2001. С. 86–87, 50.
- ¹⁰ Неволн А.С. Авроровцы. М., 1977. С. 39, 11.
- ¹¹ РГА ВМФ*. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7935. Л. 29; Д. 57. Л. 10; Д. 281. Л. 1175; Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 57. Л. 7–8; Ф. 11. Оп. 1. Д. 55. Л. 222–223; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 98. Л. 2, Л. 223.
- ¹² Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 76.
- ¹³ Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927. С. 148, 121.
- ¹⁴ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 473.
- ¹⁵ Черняев В.Ю. Восстание Павловского полка 26 февраля 1917 г. // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 161–162.
- ¹⁶ Кутепов А. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов. Сб. статей. Париж, 1934. С. 169.
- ¹⁷ Народная армия. 1917. 7 марта.
- ¹⁸ Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 357.
- ¹⁹ ОР РНБ**. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 41. Л. 44; Ф. 422. Оп. 1. Д. 2. Л. 121.
- ²⁰ Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 275–276. С. 456–457, 255.
- ²¹ Зябкин К.Я. Штурм // Юность. 1987. № 6. С. 67.
- ²² Рабочая газета. 1917. 16 марта.
- ²³ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март–апрель 1917 г.). Петрозаводск, 1992. С. 29–30; Иоффе А.Е. Роковая точка отсчета // Андреевский флаг. 1992. № 3. С. 4.
- ²⁴ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 274.
- ²⁵ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 42.
- ²⁶ Saul N.E. Sailors in Revolt: The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, 1978. P. 76–80, 69.
- ²⁷ Mawdsley E. The Russian Revolution and the Baltic Fleet: War and Politics, 1917 – April 1918. N.-Y., 1978. P. 20–21.
- ²⁸ Longley D.A. Officers and Men: A study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // Soviet Studies. 1973. Vol. XXV. P. 35–36.
- ²⁹ Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 5.
- ³⁰ Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 43.
- ³¹ Зонин С. Выбор адмирала Вирена // Нева. 1994. № 11. С. 251–252.
- ³² Новиков-Прибой А.С. Капитан 1-го ранга. Собр. соч.: в 5 т. М., 1963. Т. 5. С. 188.
- ³³ Известия Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 20 июля.
- ³⁴ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 73.
- ³⁵ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 4 июня.
- ³⁶ Баранов С.Н. Ветер с Балтики. М., 1967. С. 22.
- ³⁷ Февральская революция 1917 года: сб. док. и матер. М., 1996. С. 214, 213.
- ³⁸ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 294.
- ³⁹ Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 72.
- ⁴⁰ Правда. 1917. 4 июня.
- ⁴¹ Мальков П. Записки коменданта Кремля. М., 1967. С. 15–16.
- ⁴² Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1966. С. 70.

---

* РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.

** ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.